

Анна Шульгина

Публицист, историк, краевед. Родилась в г. Свердловске Луганской области УССР в 1979 году. Автор исследований, посвященных истории города Луганска. Публиковалась в периодике Луганщины, в литературно-художественном альманахе «Крылья». Автор книг «18 очерков из жизни Луганска» и «Культура Луганска: 1961-1991» (обе – 2021). Живёт в Луганске.

СУДЬБА СЕМЬИ – СУДЬБА РОДИНЫ

Я хочу рассказать о своих предках, а через их судьбы – и о родном городе, а также о целом Советском Союзе, о том, как тогда жили люди и какими они были. «О целом мире, о цивилизации, унесенной ветром», – если перефразировать высказывание писательницы Маргарет Митчелл.

Место действия моей истории – весь Советский Союз от Кинешева до Дальнего Востока. Но в основном я пишу о городе Свердловске, расположенном в 80 км от Луганска. Время действия книги – от царя Гороха, как говорится, и до наших дней. Автор старалась быть максимально объективной. Но это в силу различных причин очень затруднительно, поэтому некоторые моменты в повествовании намеренно сглажены. Некоторые факты убраны и не упомянуты из уважения к памяти тех, кто ушел.

Многое в исследовании является семейными легендами. Но, если идти вперед, продолжать работать в этом направлении, то, думаю, легенды могут стать фактами.

Автор никогда бы не смогла написать этот очерк без помощи других людей, а именно: тех родственников, которые бережно хранили семейные альбомы, документы своих родных; а также трудились на этой ниве: сканировали фотографии, собирали и записывали воспоминания... И самое главное: делились этой информацией друг с другом.

Моя цель – вдохновить других людей сохранять архивы свои и своих семей, записывать воспоминания, и, быть может, писать о своих предках. Удалось мне это или нет на своем примере – судить читателю.

Этот своеобразный дневник создавался и писался долго. Начало запискам о моих предках было положено мною же, когда мне было всего 15 лет. Но из-за переездов и других событий они потерялись. И возобновила я их только 19 ноября 2015 года, когда решила написать о генеалогии, а точнее, записать воспоминания о своих бабушках и дедушках и об отце. И систематизировать те сведения, которые были у меня на руках (потому что я боялась, что сведения и факты, мною собранные и записанные, просто пропадут).

Итак, начнем, пожалуй.

Анна Шляхова, повар, крановщица, мама и бабушка

Моя бабушка по отцовской линии Анна Степановна родом из Курской губернии. Её девичья фамилия – Шляхова (18 августа 1927 – 11 февраля 1988). Она родилась в Курской области в пгт Шляхово (ныне относится к Белгородской области). Это населённый пункт был основан чуть ли не в 1600 году детьми боярскими (особое служилое сословие эпохи). Мать её звали Татьяной. Про её отца, Степана, я знаю лишь то, что в своём населенном пункте он исполнял обязанности церковного старосты и был человеком небедным. Видимо, он так там и умер году в 1928 или в 1929-м.

Согласно семейной легенде (а вернее, по словам моей бабушка Ани, она мне сама рассказывала эту историю не раз, но мне тогда было 6-7 лет и память может приврать, потом эту же историю рассказывал мне мой папа, но это тоже было уже так давно), в годы раскулачивания и коллективизации семья бежала на Дальний Восток. Уехали в таком составе: мать – Татьяна и её дети – Юрий, Анна, Григорий, Мария, Лёня.

Татьяна была женщиной хорошо образованной для своего времени и на Дальнем Востоке её поставили заведовать аптекой (в каком городе, я не знаю, может быть, в Находке). Это и привело в итоге к трагедии – по ложному навету Татьяна была арестована и попала в лагерь. Названия я не знаю. И в лагере она умерла, а дети, по крайней мере, двое из них тогда были несовершеннолетними, остались сиротами.

Бабушка Аня была очень трудолюбивая, всю жизнь трудилась, работала не покладая рук, она «добавила себе лет», как тогда говорили, и пошла работать поваром. Ей было едва 16. А младшего брата Лёню она воспитывала как мать. Не бросила его.

Итак, Анна начала работать поваром. Это была хорошая специальность, в то время означавшая ещё и вот что – домой тайком можно было забирать остатки еды. Так бабушка подкармливала своего младшего брата – Лёню.

Работала Аня хорошо. Её хвалили. Не обошлось без завистников. И однажды, когда пришёл проверяющий, товарка кинула в чай, что приготовила Аня, соль. Но проверяющий пошутил: сказал, что есть такая поговорка – меня барин бил за то, что я чай не посолил. А вы молодец, посолили. Тем дело и закончилось.

Со времени работы поваром Аня верила в такую примету – на столе спать нельзя, а то придёт домовая, и будет душить. Вообще моя бабушка очень верила в приметы. Ещё она любила пересказывать Гоголя, особенно «Ночь на Ивана Купала», и я воспринимала это исключительно как сказку. Потом, когда читала, узнала уже, что это повести Гоголя.

И вот там-то, на Дальнем Востоке, на танцах, она и познакомилась со своим будущим мужем, Варфоломеем. Он был на 11 лет старше и к тому времени прошёл всю войну, до Берлина. О нем есть сведения на сайте «Подвиг народа». Родился 25 августа 1921 года. В 1940 был призван на срочную службу. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Наименование воинской части: 95 ап ВВС СФ, 1Аэ 29 АСП ВВС ТОФ. Был награждён, но награды не сохранились из-за развода. Жили они тогда в городе Сучан (теперешнее название города – Партизанск), недалеко от Владивостока.

Осенью 1948 года Варфоломей уехал на Украину, в своё родное село. Но поехал не один, а уже со своей женой Анной.

Житьё-бытьё на Винничине

Здесь я приближаюсь снова к одной из деликатных и даже трагичных тем. Ибо село на Винничине в 1945-1947 годах – это... а впрочем, обо всём по порядку.

Село называлось Ровец, и, если верить современным картам и описаниям, оно находится в живописном месте, на реке Южный Буг, очень подходящем месте для туризма. Основано оно было в 1600 году. Теперешнее население всего-то 275 человек, а сколько жило людей тогда, я уж и совсем не знаю.

Тогда это было, видимо, довольно заурядное село, в котором был голод (год 1947!) И вот приехал Варфоломей с Анной к своим родителям. Его отца звали Михаилом, имени его матери я, увы, не знаю, и папа мой не знал. Не запомнил, маленький был.

По словам моего папы, которые я запомнила очень чётко, село было наполовину украинским, наполовину польским (и если посмотреть на карту, то сразу станет понятно, что эта территория всегда интересовала поляков, во все времена).

И что уж я помню совсем хорошо из рассказов бабушки Ани – свёкры с первого же дня жутко возненавидели Анну. Они упрекали сына, почему тот женился на москальке, мог бы взять местную девушку. Анна так-сяк быстро выучила украинский язык, на котором говорило всё село (по-русски там вообще не говорили).

Сколько было сестёр и братьев у Варфоломея, и где они жизнь прожили, я не знаю. Знаю только, что мне досталась их общая фамилия: Маркевич. После того, как он с женой Анной прожил с 1948 по примерно 1956 год у родителей в селе, он, тогда крепкий и сравнительно молодой мужчина, решил ехать работать в Донбасс, шахтёром.

Так делали многие и до и после него. У него получилось. Стал много зарабатывать. Но не спешил приглашать семью из села. Тогда бабушка Аня решает сама ехать в Донбасс. Берет детей и – в путь? Нет, сначала нужно было вызволить свой паспорт у председателя. Всеми правдами и неправдами ей это удаётся, и она фактически сбегает из села, чтоб уже никогда туда не вернуться.

Перед ними лежал таинственный и хлебосольный Донбасс, страна терриконов и пшеничного хлеба со сливочным маслом.

Свердловка

Свердловка – именно так по-простому называют местные жители город Свердловск, тогда Ворошиловградской области.

Первым впечатлением моего отца было: какой богатый край! белый хлеб и масло! Ему на тот момент исполнилось уже 6 лет, и он хорошо всё запомнил. Память у него была отличная.

Приехали они в город Свердловск, короче говоря, в Свердловку. Город этот был молодой (статус города получил в 1938 г.) и шахтёрский. Им, как и многим молодым семьям, выделили землю, и они начали строительство дома.

Дом и сейчас стоит, сохранился. Итак, в Свердловке старший брат моего отца, Витя, пошёл в школу. А мой папа был в тот момент дома с матерью, которая занималась хозяйством. Сначала, пока шла стройка, они снимали квартиру на той же улице, где потом и жили (названия улицы – Димитрова).

Так как я часто бывала там в детстве, то хорошо помню те места. Дом и по сей день стоит у меня перед глазами. В детстве тот пейзаж казался мне самым красивым в мире. Теперь я понимаю, что зимой он был тусклый, серый.

Недалеко от той улицы открыли кладбище. А на нём похоронены мои дед Петя и бабушка Женя (Царствие им Небесное!) странная это ирония судьбы.

Но вернёмся в год 1956. Тогда это был типичный шахтёрский посёлок, застроенный частными домами, скромными на вид, с одним маленьким магазином, который обслуживал огромное количество улиц.

Дороги, притрушенные угольной пылью, казались чёрными. Асфальта не было. При подходе к дому тянулось ж/д полотно, оно возвышалось над местностью, и чтоб увидеть дом, подходя к улице со стороны центра, надо было на это полотно взобраться.

Сам съёмный дом был большой, кирпичный и тогда отапливался печкой, которую топили, конечно же, углем. Двор был тоже очень большой, но несколько запущенный, потому что по двору всё время бегали куры или цыплята, росли помидоры, кусты смородины. А полноценного огорода не было. Сразу за огородом начиналось безмерное колхозное поле, засаженное кукурузой.

Чуть далее от входа во двор стояла землянка, которая выполняла роль летней кухни. Летом, когда в Донбассе температура поднимается выше 40 градусов, летняя кухня – дело совершенно необходимое в частных домах, где готовили на печке.

Итак, бабушка Аня и дед Филя стали строить дом. Дом вышел небольшой. Во дворе они вырыли колодец. И стали жить впятером – бабушка, Филя, их дети: Виктор, Михаил, Светлана. Бабушка со временем нашла работу. Но я не знаю, увы, сохранились ли её документы – метрика и трудовая.

Сколько я помню бабушку, она всегда была очень жизнерадостная, подвижная, хоть и полная (полная, потому что родила троих детей). И всегда работала. Не сидела без дела. Никогда не видела я, чтобы она лежала на диване или просто сидела. Она чистила кукурузу, чтоб кинуть курам. Забывала петуха, чтоб сварить на обед нам с папой суп. Или бежала в магазин за хлебом. Готовила для свиней. Хозяйство было большое. Дом тоже был большой. Прихожая, в которой хранились припасы для животных, далее жилая часть. На окнах – решётки, потому что дом несколько раз грабили.

Варфоломей (Филя) был на очень хорошем счету в шахте, хорошо работал, а еще был членом КПСС, ветераном. А еще сильно пил, а после он и вовсе ушёл к другой женщине, на соседнюю улицу. Это стало для бабушки ударом – потому что хуже разведённой женщины в то время в маленьком городке быть уже ничего не могло. Разве что только – мать-одиночка. Такие вот глупые были нравы.

В общем, помогать Филя перестал. Бабушка работала крановщицей на Свердловском машзаводе. А ещё – играла в шахматы. У нас дома хранятся её призы за выигрыши в турнирах любителей, тогда принято было дарить вазы. И у нас есть синенькая, а ещё одну, прозрачную, я разбила в детстве.

Еще у бабушки была вагонетка, и она наполняла её водой, чтоб в жаркий день мы купались. Мне это очень нравилось. А однажды папа ловил рыбу и даже выпустил туда, в вагонетку, рыбу, и она там плавала. Правда, недолго. Потом мы её съели.

Анна Степановна Шляхова скончалась в г. Свердловске, Ворошиловградской области, УССР, не дожив три года до распада Союза.

Отец: Винница – Свердловка – Новочеркасск – Коми – Кишинев – и снова Донбасс

Мой отец, Михаил Варфоломеевич Маркевич, был очень талантливым человеком. Михаил родился в 1950 году на Винничине, школу окончил в г. Свердловске Ворошиловградской области. Уже во время учебы в средней школе не просто интересовался музыкой, научился играть на баяне, создал «свою»

музыкальную группу (сейчас бы это назвали, наверное, гараж-бэнд, но тогда такого понятия не существовало). И выступали они, в том числе, в ресторане «Катруся» в Свердловске.

К 1975 году успел отслужить в рядах Советской Армии, побывать студентом автодорожного техникума и даже поработать учителем пения в сельской школе. Было ясно, что для дальнейшей педагогической работы 25-летнему парню нужно солидное музыкальное образование. Выбор пал на училище в Коми.

Приехав из небольшого шахтерского городка в Сыктывкар он сразу попал в новый мир. Сказочная зима, много снега, много рыбы в рационе. Жил Михаил в общежитии училища. По натуре был общительный, добрый. И у него сразу появились друзья среди студентов училища.

Папа рассказывал, что именно в училище их научили красиво танцевать разные классические танцы. И даже будучи несколько полноватым, он до конца жизни прекрасно танцевал вальс и другие танцы.

С особенной радостью Михаил и через 30 лет вспоминал постановки студенческого театра, где ему однажды доверили сыграть роль солдата Швейка (по Гашеку).

Студенты часто ходили на лыжах. Сдавали нормативы по физкультуре.

Одним из самых ярких студенческих впечатлений и воспоминаний для Михаила стало знакомство с Валерием Леонтьевым (певец именно в 70-е годы работал в филармонии в Сыктывкаре).

Случались и разного рода жизненные казусы. Так, однажды в здании общежития прорвали трубы отопления. И в мороз студенты, сидя на кроватях в одежде, кутались в свои одеяла. Аварию быстро ликвидировали.

Михаил Маркевич к учебе относился серьезно. Один из дирижеров, увы, я не помню его фамилию, в знак особого расположения подарил ему дирижерскую палочку. Сейчас она хранится в семье как одна из реликвий.

По окончании учебы в 1977 году Михаилу была присвоена квалификация «клубный работник, руководитель самодеятельного оркестра народных инструментов».

В том же, 1977-м году, Михаил женился на моей матери – Людмиле Ененко. Свадьба была в ресторане, летом, в Кишиневе, куда распределили невесту. После окончания вузов в СССР

существовала практика распределения студентов в те города и на те предприятия, где была производственная необходимость, нужна именно в таких специалистах. Перед Людмилой стоял выбор: г. Грозный или г. Кишинев. Михаил, будущий супруг, который служил в г. Бельцы, посоветовал Молдавию с ее мягким климатом, красивой природой и винодельческой культурой.

Четверть столетия М. Маркевич работал в г. Кишиневе, столице Молдавской Советской Социалистической республики. Знания, умения, и, конечно, диплом, полученный в Коми АССР, позволили Михаилу Варфоломеевичу работать по специальности, реализовать свои творческие способности.

О том, какие должности он занимал, можно узнать из его трудовой книжки. М. Маркевич был руководителем эстрадного оркестра клуба Тракторного завода. Позже — работал руководителем вокально-инструментального ансамбля на Молдшампанкомбинате. Уже в конце 1980-х был методистом театрального отдела ДК Молдсовпрофа. Незадолго до распада Союза закончил Высшую профсоюзную школу в г. Ленинграде (у этого вуза сейчас другое название). Получил красный диплом.

После распада Советского Союза, в 90-е годы и в начале 2000-х годов, М. Маркевич все свои силы посвятил педагогической деятельности: работал учителем по классу гитары в школах искусств в молдавских селах. Его уважали дети и родители.

Скончался в 2012 г. Похоронен в Луганске.

Истории, которые раскрывают характер моего отца (подражание Шолому Алейхему)

История первая Не ностальгия, или Геологи

Помню наше житье-бытье в общаге (нет, не студенческой) в селе под Кишиневом. Мне было года 4-5. Мои родители еще не получили квартиру, и жили мы в общежитии. Это была «геологическая» общага, которую предоставили маме как инженеру-геологу, ибо папе как «свободному художнику» (вернее, музыканту и завклубом в разное время) ни квартира, ни общага не светили. Это было расчудесное время. Никаких неудобств я не помню. Все были молоды (максимум 30 лет), веселье, общи-

тельные – общага ведь геологическая (в геологи шли люди здоровые, и даже слабое зрение могло стать непреодолимой преградой при поступлении в политех), несключные, ненудные... Профессия обязывала и время (1970-е): романтика, костры, походы на природу, песни под гитару, опасные и безопасные приключения, пещеры, скалы, горы, полезные ископаемые и полезные знакомства...

Даже если стараюсь, не могу ничего плохого вспомнить об общаге. Хотя мама вспоминает, что сырость была – полуподвал все же, и крысы водились. Разное бывало.

Наверное, друзья, обретенные в общаге, остаются на всю жизнь. Помню, что многие геологини собирались на общей кухне для совместного пения. Пели вдохновенно, но голоса и слуха у них не было. Кошек заводили. Детей, конечно, тоже. И крыс не боялись. Молодость.

Здание общаги находилось в прекрасном месте, можно сказать в селе недалеко от города. Вокруг нетронутая природа. Озеро, где можно плавать, лес, куда приятно было ходить на шашлыки, да и просто печь картошку. Идиллические картинки из прошлого. Странно представить и то, что родители мои и их друзья были тогда гораздо моложе, чем я сейчас.

Так, в качестве воспоминаний о геологической общаге ко мне из прошлого выплывают какие-то пасторальные картинки: мама, которая плетет для меня венок из одуванчиков, подружки, с которыми мы катаемся зимой на санках с опасной горки, крапива, которая хлещет по голым ногам и большие волдыри после нее... цветущие луга. Кукует кукушка. Акации. Виноград. Грязные после печеной картошки руки. Муравьи. Шиповник.

Мир вокруг был прекрасен. Не считая, конечно, детского садика, который я ненавидела.

1984-й. Мне почти 5 лет. Мы живём в коммуналке, и соседи очень хорошие. У папы отгул, я не пошла в садик. Мы стоим на общей кухне, подвенадцатого, и папа жарит картошку – на завтрак. А ещё, чтоб меня рассмешить, говорит:

– Давай представим, что мы дельфины! – и брызгает водой.

Мне смешно. Дельфины. Я видела их на Чёрном море. Мы не похожи на дельфинов. На кухню заходит бабушка-соседка, сталинистка (это я потом узнала). И говорит моему папе:

– Ой, что ты балуешься? И ребёнка разбалуешь.

Потом смотрит на картошку и снова:

– Это детям есть вредно!

Берёт свои борщ и блины, садится у окна.

Мы с папой идём со сковородкой кушать в свою комнату. Я чувствую себя счастливой.

История вторая
ПРОВЕРЕНО! МИН НЕТ!

Просто история. Я 23 года прожила в Кишиневе. Хороший город, очень красивый. Так вот, я там и школу заканчивала. За школой очень красивый Ботанический сад, огромный, учителя водили нас туда на экскурсии на уроках биологии, да и физкультуры тоже.

Старинное здание школы. Оно видело Великую Отечественную войну. В сети есть фотография школы. Это вообще теперь здание начальной школы, где учатся дети с 1 по 4 классы. А для ребят постарше, еще в советское время, выстроили новое здание, прямо рядом, вплотную к первому, старинному.

И когда мы приходили в школу 1 сентября, нам всегда рассказывали один факт, который мне очень запомнился. Шла война. Когда Красная Армия освободила Кишинев, а это случилось 24 августа 1944 года (знаменитая Яско-Кишиневская операция), оказалось, что многие здания были заминированы отступавшими немцами.

И первое, что делали советские воины, – производили разминирование, прежде всего жилых домов и школ. Наша школа тоже была заминирована, но здание удалось спасти. Немцы не успели её подорвать, так быстро наступала Красная Армия.

Такая вроде бы короткая даже не история, а штрих. И тем не менее. Каждое утро, когда мы шли в школу, поднимались вверх по улице ***, мы видели надписи на жилых домах: «Проверено. Мин нет».

И нам с друзьями казалось тогда, а было нам тогда лет по 9-10, что война – это где-то так далеко, так далеко. Потом мы узнали, что записи краской на стенах подновляли ко Дню Победы, чтоб люди ПОМНИЛИ. Но то, что записи – это новоделы, никак не меняли самих исторических фактов. И казалось всё это нереальным. И мины, и снаряды. Как будто нам рассказывали о Куликовском сражении, например.

Прошло много лет, и вот сейчас я вспомнила и...

История третья

Из дневника. Моя первая учительница, одноклассники

У меня была очень хорошая первая учительница. Звали ее Нина Васильевна. Сейчас она живет в США.

Я помню Нину Васильевну всегда улыбающейся, доброй. Да, она была доброй, но справедливой и строгой. Мы ее немного побаивались. В общем, нам повезло.

В первом (а потом во втором и третьем) классе нашей советской школы, мы, как положено, учили гимн Советского Союза, читали стихи и рассказы о Ленине. А еще – учились играть в шахматы, устраивали с помощью родителей КВНы и ставили спектакли.

И если нас учила играть в шахматы мама Иры Клейман (они, кстати, тоже уехали в США, как и Регина Ройзман, а Миша Фридман уехал в Израиль), то «спектакли» ставил мой папа. Он как раз занимал соответствующую должность (курировал некоторые театры), одновременно учился заочно в Ленинградском университете.

Так вот мой папа, который в студенческие годы успел сыграть даже Швейка, ставил нам спектакли «Чиполино» и «Снежная королева». Мамы шили костюмы и рисовали декорации. Получалось здорово. Папа сказал мне тогда: «Нехорошо, если я дам тебе главную роль, роль Герды. Скажут, что сделал так из-за того, что ты моя дочка. Будешь лучше маленькой разбойницей. Тоже хорошая роль». Я согласилась. Мы вырезали из дерева бутафорский нож, которым я должна была, согласно сценарию, щекотать северного оленя. А годом раньше мы с папой учились сценическому лаю, потому что он дал мне роль собаки в «Чиполино».

Мы учили роли наизусть. Все дети были по-настоящему талантливы и хорошо держались на сцене. Многие занимались танцами или спортом. Папа долго репетировал с нами. Из Иры Клейман получилась настоящая Герда – трогательная и нежная.

Ее лучшая подруга Аня – годом раньше – отлично сыграла роль одной из графинь Вишенок. Капризная, как и в жизни. Так тогда казалось.

После 5-го и после 7-го класса наш «коллектив» расформировали, многие навсегда уехали из страны, за окном стояли нищие 90-е... Какие уж тут герды? Все герды либо эмигриро-

вали, либо вымерли, как мамонты. Далеко-далеко мы забросили свои пионерские галстуки и значки; школьную форму сменили на свитера «бойз» и джинсы «мальвина». Было нам лет по 12-13. Год 1992-й. Так было, наверное, у всех.

История четвертая

Моей любимой книгой, когда мне было 8 лет, была сказка про Мумми-тролля и его семейку. Мы с подружкой Аней на продлёнке ходили в библиотеку, расположенную недалеко от школы. Тогда обстановка была ещё спокойная, детей с продлёнки отпускали, если на кружок например, недалеко. Потому что потом, спустя пару лет всего, уже в 1988- 89-м годах недалеко от школы стали проходить митинги националистов, где кричали: «Чемодан! Вокзал! Россия!» всякие народные фронты, как и почти везде в республиках. И в том, книжном, где мы открытки покупали, стали собираться писатели-националисты.

И мы ходили в библиотеку так часто, что нас даже сфотографировали для доски почёта как самых активных читателей.

А «Опасное лето», как сейчас помню, публиковали главками в «Мурзилке». А по дороге в библиотеку мы заходили в кафе «Лира» и покупали пирожные «Стефания»: было маленькое, оно стоило 12 коп. и большое, за 24 копейки.

Хотела добавить, что в 1986-м к Земле подлетала комета Галлея, а мне как раз уже на день рождения подарили книжку «Мумми-троль и комета», я так счастлива была, так радовалась. В библиотеку ту мы ходить почти перестали в третьем классе и наши с Аней фото сняли с доски почета.

История пятая

Одно из самых ярких и хороших воспоминаний родом из второго класса, как нас на зимних каникулах повели в планетарий.

Кишинев. 1988-й. Планетарий располагался в старинной церкви (сейчас планетария нет, в 90-е здание вернули церкви). Огромное здание с куполообразным потолком. Мы пришли. Нам провели экскурсию и показали фильм.

Сначала показали модель Земли, рассказали, как она устроена. Потом наступила «ночь» и мы услышали, как древние

греки называли созвездия, где эти созвездия располагались. Мы вышли. Недовольных не было – все дети были в восторге. Столько лет прошло, а я помню.

*История шестая, которую я вчера рассказала 1 человеку,
но он не понял ее сути*

Дело было в 1997-м году. Я уже поступила в универ, мне было 17 лет. И стояла зима, а топили в квартирах плохо-плохо, от силы было градусов 11.

В универе так же. Ну, днём ещё терпимо, а вот ночью холодно до одури. Мой папа тогда рыбу ловил. У него тогда ещё была своя машина. И вот папа поехал однажды на рыбалку на озеро недалеко от Кишинёва. И вот 23:00, пора спать, а отца нет. Но мы с мамой легли – она в своей комнате, я в своей.

Не спится на голодный желудок. Через 20 минут – звонок в дверь: приехал папа. С рыбой, с вином. Как нажарил он рыбы и стал обзванивать соседей. В гости звать, в основном тех маминых подруг, что раньше вместе с нами в общежитии жили. А на часах уже полпервого ночи. Я тоже встала. Поела и наконец-то заснула. Много с тех пор я рыбы ела, но такой вкусной больше никогда.

И вот вчера товарищ не понял дзен буддистской мудрости этой истории. А дело в том, что многие люди тоже тогда впроголодь жили. И папа знал об этом, и хотел хоть чуть-чуть помочь и настроение поднять всем.

Семья Ененко

Вот тут самое время вспомнить родственников мамы. Итак, мать моя родилась в г. Свердловске Луганской области в 1954 году. Она была вторым ребёнком в семье. Училась в СШ №1. В 1976 году закончила горногеологический факультет Новочеркасского политехнического института. Отец её, Пётр Иванович, происходил родом из Ростовской области. Он родился в 1931 году. А его маму звали Александрой Илларионовной, в девичестве – Козловская. Она родилась на Дону, в пгт Черниговка в 1904 году.

Вот что вспоминает об Александре Илларионовне Ененко (Козловской) одна из ее внучек: «Замуж её взяли в сл.<ободу

– Ред.> Нижненагольную, там они и жили, пока не уехали из села. Мужа её звали Иваном Петровичем. Бабушка очень тепло отзывалась о семье мужа и своей мачехе. Во время голодовки (я так полагаю, это голод 1932-33 годов – А.Ш.) все поддерживали друг друга как могли. В семье прадедушки Ивана пели очень хорошо, были участниками церковного хора. Жили по тем временам очень дружно. Во время раскулачивания Ивана побили, он был грамотным, работал в сельском совете. Умер от побоев, и бабушка в 32 года осталась с пятью детьми на руках. Это произошло то ли в 35-м, то ли в 36-м».

После войны один из сыновей Александры Илларионовны – Иван – службу нёс на Урале и забрал свою маму и сестру Веру к себе; жили они там с 1947 по 1950 год, но бабушка затосковала по югу. В деревню свою они не вернулись, т.к. в их доме жили уже другие люди, поехали в г. Красный Сулин к Василию. Василий – один из сыновей бабы Шуры, Александры Ененко – Козловской. Воевал на фронтах Великой Отечественной. Потом жил со своей семьей в Ростовской области.

В 1950-м Вера поехала жить и работать в г. Перевальск, а Александра Илларионовна переехала в Свердловск, к сыну Петру, нянчить новорожденную внучку. В другой город Ворошиловградской области – Перевальск – бабушка Шура приехала жить спустя годы, в октябре 1968-го.

И снова слово внучке Александры Илларионовны: «Я очень дружна была с нею. Делилась своими девичьими проблемами. Кое-что она рассказывала о своей жизни, но эти события носили скорее общий характер в привязке к определенным событиям без дат, «взагалі по загалям»... Говорила, что жизнь очень скоротечна, что ещё вчера сидела на завалинке, песни пела с девочками, хлопцы колечки дарили, а теперь её дорога от печки до порога. Вот, пожалуй, и вся информация, что зацепилась в памяти. В церковь не ходила, говорила, что Бога нужно в сердце иметь. На лавочках со старушками не сжививала, людей не судила («на то Бог есть» – говаривала). Не помню ни одного случая, чтобы с кем-то ссорилась, добрейшей души человек была, Царствие ей Небесное. Бабушка очень вкусно готовила и пекла, я многому научилась у неё (особенно хорошо получались борщ, бублики и яичница с помидорами – А.Ш.). Да, при всей доброте и желании жить в ладу со всеми, характером обладала сильным. Уже то, что сама подняла пятерых

детей в те годы, выросли при этом все порядочными людьми, о многом говорит... У бабушки были глаза разного цвета: серо-голубой и желтовато-медовый, волосы – темно-русые».

Мой дед по матери – это Пётр. Что удалось записать и узнать о нем? Пётр Иванович Ененко (30 марта 1931 года – 30 сентября 1992 года). Место рождения: Нижненагольная, Ростовская область, РСФСР. Мать – Александра Илларионовна, урожденная Козловская, отец – Иван Ененко. Рано потерял отца. В Великой Отечественной войне участия не принимал, т.к. был тогда ребенком. Окончил 6 классов в сл. Нижненагольная (аттестат не сохранился). Как и многие в то время, в совсем юном возрасте подался на шахты, в Донбасс, чтобы заработать на жизнь, обрести профессию. Участвовал в советском вводе войск в Венгрию (1956-й). Около 10 лет проработал на шахте. Затем работал водителем в училище 73. Был уважаемым человеком в городе. В 1950 году Евгения Ковалева и Петр Ененко поженились (об этом – чуть ниже). Вместе они построили свой дом в центре города. В браке родилось две дочери.

Супругу моего деда, Петра Ивановича Ененко, звали Евгения. Девичья фамилия – Ковалева. Она родилась на Хмельнитчине, в маленьком селе Скаржинцы. Со слов моей бабушки, Евгении Петровны, я помню про её отца – а моего, соответственно прадеда, что Пётр воевал на фронтах Первой мировой, как тогда говорили – империалистической войны, был ранен. Остался инвалидом. Маму Евгении Ковалевой звали Степанидой. А вот ее фамилии девичей я не знаю. Степанида была неграмотной. Примерно в 1933 году Ковалевы на своей подводе приехали в нынешнюю Свердловку, а тогда Шарапкино. Село они покинули из-за голода, который там был. И дома своего в Свердловске у них вначале не было. Жили сначала при школе, где её отец работал конюхом, а потом жили в бараке. Позже моя бабушка училась в этой школе. В семье Ковалевых кроме Жени были еще две дочки: старшая, Анастасия, от брака Степаниды с первым мужем, и младшая, младше моей бабушки, Елена (умерла в возрасте 18 лет).

Свердловка 1930 – 40-х – это я знаю уже со слов Марии Георгиевны Витер, она была учительница, поэтесса, и соседка моей бабушки Евгении – была тогда городком очень простым. Вот что она рассказывала мне, а я записала: «Отец мой был шахтером, и жили мы в Свердловске в т. н. «черной казарме». Мария

Георгиевна на секунду останавливает рассказ, что-то припоминает и улыбается, а я, пользуясь моментом, спрашиваю:

– Почему же казарма называлась «черной»?

Оказывается, у этой казармы крыша была черного цвета. Отсюда и пошло прозвище. Жили в ней совершенно разные люди. Жили, конечно, в тесноте, как в общежитии: дружили, ссорились, вместе отмечали праздники, пели, пили, танцевали, влюблялись, женились... В общем, жили.

Разбалованная удобствами XXI века, спрашиваю ровесницу революции о том, как же они решали бытовые проблемы: стирали белье, мыли волосы, купались? «Воду и уголь подвозили, причем бесплатно, – отвечает моя собеседница. – Так что особенных неудобств не испытывали».

Конечно, люди тогда жили гораздо беднее, чем теперь. Одежду девушки шили, в основном, из сатина. Но разве могло это затмить юношеский оптимизм?

Тогда многие женщины умели шить. И сами шили себе платья. А позже и мужьям рубашки, а детям, девочкам – платьица, а мальчикам – брюки. Так продолжалось и в 1960-е и в 1970-е. Выкройки в те годы брали уже из журналов, например, «Журнал мод». Он издавался в Москве. Шили и на т.н. подольских швейных машинах.

Моя бабушка Женя и дедушка Петя познакомились и поженились именно в этой казарме-бараке. Они почти сразу стали строить свой дом. И какой дом удался, на славу! Красивый, уютный, прочный, любимый.

Когда поженились Евгения и Пётр, невесте было 22, жениху – всего 18. Свадебного фото не было. Сохранилось свадебное платье. И серебряное колечко бабушки.

В конце 1950-го года у них родилась первая дочь, а потом, спустя 4 года, моя мама Люда. И так, они жили в Свердловске, в своём доме и ходили в школу № 1. И у них были хорошие учителя. Такие, что мама моя по окончании школы, дерзнула поехать в Москву поступать в МГУ! Но ей не хватило всего 1-го балла. Она поступила в вуз в Новочеркасске.

Я возвращаюсь мыслями в 1940-е. Моей бабушке Жене повезло – когда Свердловку оккупировали немцы (лето 1942-го), в Германию её не угнали. Когда ей было 16 лет, тогда уже Свердловку освободили войска Красной Армии, и она пошла работать на железную дорогу. Очень уставала. Потом их приравняли к

участникам боевых действий, потому что ж/д всегда имела стратегическое значение. Потом бабушка пошла на курсы телефонисток, причём почти случайно про них узнала. И уже всю жизнь проработала на коммутаторе, на шахте. За это ей, по выходу на пенсию, был положен уголь для растопки печи, что очень выручало в голодные 90-е годы.

Дом у нее был чудесный: большой палисадник перед домом, цветники, деревья ... Огород большой, много деревьев плодовых – абрикосы, вишни, яблоня, груша, алыча, а ещё малина и клубника, черешня, шелковица и качели! Настоящая Аркадия для детей. У меня было много-много друзей, когда я приезжала на каникулы!

Бабушка очень любила цветы. У нее росли белые и тигровые лилии, розы, маки, дельфиниум, кустарник бульденеж и многие другие, названия которых я не знала или позабыла. И ещё. У бабушки Жени ведь была сестра, родная по матери, Анастасия. Её звали Тася. Она была замужем за Павлом Блинским. И для него, и для нее это был второй брак.

Раз уж речь зашла о деду Паше, то скажу и о нем, хороший был человек. Павел был казак, настоящий, донской. Он воевал, ветеран Великой Отечественной. Женат был два раза. Первая жена родила ему сына, а вторым браком – на Анастасии как раз. Жили они в небольшом домике, в переулочке, как сейчас он у меня перед мысленным взором. И вот этот переулочек вел в дома, построенные на две семьи, так тогда строили в Донбассе в шахтёрских городках, чуть ли не в 1930-е годы. Барачного типа жилье. Потолки невысокие, но уютно было необычайно. И при каждой квартирке – огород с садом. Летом там выращивали клубнику, росли груши, яблоки, картошка обязательно.

Да, так вот, я начала вспоминать про деда Пашу. Он был, всё-таки хороший человек, только очень одинокий. После смерти жены прожил долго. И жил при Украине долго. И я даже не знаю, когда он умер, не помню. Давно. А на могилке надпись уже и стёрлась от времени, дата смерти не видна. Время к нам безжалостно.

Был невысокого роста и очень худ. Видел плохо уже, ходил в очках, а это всё – последствия ранений на войне, и носил слуховой аппарат. Он писал письма своей сестре в Севастополь. И нам писал. И они даже хранились у нас. Школы он тол-

ком не закончил, и почерк у него был, хоть и разборчивым, но видно было, что писать он не привык. Руку не набил, это сразу было видно. И подписывал конверты так: «горат Кишинев».

Я как-то показала папе, смеялась, было мне лет 14, а папа говорит:

– Так он воевал, некогда ему учиться было! И смеяться над этим нельзя.

Когда мы приезжали к бабушке в гости, и он, возвращаясь с рынка, проходил мимо нашего дома, то заходил в гости и приносил груши. А когда мы уезжали в конце лета в Кишинев (на автобусе Свердловск – Ростов до Ростова, а потом на самолете), то почти всегда провожал на автовокзале и обязательно – с цветами: он их сам выращивал и красивые, особенно запомнились мне георгины, бордовые с белыми краями.

У нас в семье долго хранилась шкатулочка бабушки Таси, её вышивки, а ещё – фото деда Паши на отдыхе, у моря. Такой вот был человек. А фамилия у него действительно была редкая – Блинский.

Вместо послесловия

Я сегодня много думала о монетах, и когда мыла посуду, вдруг вспомнила 2 факта. По рассказам моего отца, Михаила, у его брата Виктора была старинная серебряная монета, и он бросил её в колодец своего дома, чтоб вода была вкусная. Папа это иногда вспоминал, дом продали еще в 80-е, потом он стал заброшен, а монета та так, видно, и лежит на дне колодца, в иле.

И ещё. Бабушкина родная по матери сестра, Анастасия, Тася, любила украшения... И у Таси тоже была царская серебряная монетка. Наверное, досталась дедушке Паше, а потом – его сыну. Но и сын, наверное, давно уж умер. У кого же монетка? Это я написала к тому, что в те времена к монетам относились без пиетета. Не как к редкости или антиквариату. Удивительно.

Знаю, что мой рассказ получился не всегда логическим, кое-где я, быть может, повторялась. Но история развивается по спирали. Так же и мой рассказ; я продолжу исследования и собирание материалов о семье, если у меня получится.

Трудность моего исследования состояла не только в том, что, как и почти каждая семья, мы пережили за последние

25 лет несколько переездов с неизменной потерей некоторых документов. Трудность моего пути состояла еще и в том, что наши бабушки и дедушки не всегда хранили документы, их касающиеся.

И если с фотографиями дело обстояло еще более-менее (правда, в моей семье вообще не сохранилось фотографий «старше» 1941 года, хотя я знаю много людей, у которых дома как минимум две-три фотографии или даже два-три десятка фото дореволюционного периода), то с документами был почти швах. Их пришлось восстанавливать по крупицам. Именно этот момент я ставлю себе «в плюс» – обнаружение некоторых копий документов (тем, кто оказался в подобной ситуации, могу посоветовать обращаться к учетным картам, которые могут храниться на предприятиях, где работали ваши предки).

На это уходит много времени, и чего скрывать – денег и сил! Да, следует помнить, что занятие генеалогией – это хобби, которое требует и времени, и средств! А так же просто необходимо и техническое обеспечение, например, компьютер, фотоаппараты, сканеры, а потом и шкафы, где хранить все накопленное.

Как и каждый род, наш род пережил все радости и трудности бурного 20 века: войны, репрессии, переезды из одного конца огромной страны Советов в другой конец. И, конечно, это не могло не сказаться на количестве хранимых документов, фотографий, вещей... Их было крайне мало. Дореволюционный период в семье вообще практически отсутствовал. Потому акцент в этом очерке сделан именно на периоде существования СССР.

У людей, которых я описывала в данной книге, в настоящее время не менее 118 потомков. Конечно, не для всех из них История является профессией или хобби, и не всем интересно знать о своих предках. И это тоже нормально.

В процессе написания своего очерка передо мной стояла сложная задача – связать имеющиеся ниточки воедино. Написать историю семьи необходимо было внятно, чтобы было интересно и понятно каждому человеку, который до сего дня и знать не знал о Ененко и Маркевичах.

Порой трудно было соблюдать баланс между фактами и эмоциями. Порой публицист-историк «во мне» брал верх над эмоциональным человеком, порой человек брал верх над ис-

следователем. Тогда я позволяла себе лишь нечто вроде этнографических наблюдений и выводов. Иногда это делалось не «моими устами», тогда звучала прямая речь тех, кто знал наших общих предков.

В этом и состояла еще одна трудность. Как написать о тех событиях, которых ты не видел и не был их участником? Признаемся прямо: и не понимаешь их, эти события? Ведь я писала о реальных людях. Для меня жизненно важно было рассказать о них ПРАВДИВО. По этой же причине, увы, часть семейных преданий не вошла в эту книгу, слишком они были личными или дерзкими и смелыми.

Иногда я заходила в исследовательский тупик, и тогда на помощь приходил Друг – новый друг; это мог быть тоже наш родственник или товарищ и единомышленник.

Я надеюсь, что я не исказила информацию, и не соврала невольно, ни в одном слове и ни в одной букве. Но разве так бывает? На этом риторическом вопросе я пока завершаю свой труд.